Песков А.М. «Русская идея» и «Русская душа»: Очерки русской историософии. М: ОГИ, 2007.

Старикова Е.В. Литературно-публицистическая деятельность славянофилов // Литературные взгляды и творчество славянофилов. 1830—1850 годы. М.: Наука, 1978.

Хинтикка Я. Ситуации, возможные миры и установки // Знаковые системы в социальных и когнитивных процессах. Новосибирск: Наука, Сиб. отделение, 1990.

Поступила в редакцию
01.10.2012

А.Ю. Сергеева-Клятис, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник кафедры литературно-художественной критики и публицистики факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова;
e-mail: annaklatis60@yahoo.com

ГОВОРИМ ТЭФФИ, ПОДРАЗУМЕВАЕМ БУНИН: К ВОПРОСУ О ВОСПРИЯТИИ ПОЭЗИИ ПАСТЕРНАКА КРИТИКОЙ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Автор анализирует двусмысленную ситуацию, возникшую в критике русского зарубежья в 1929 году в связи с выходом в свет «Избранных стихов» И. Бунина и посвященной этой книге рецензии Н. Тэффи. Рецензия насыщена не только похвалами Бунину, но и резкими выпадами в адрес Б. Пастернака, происхождение и смысл которых представляются не совсем очевидными.

Ключевые слова: *творчество Пастернака, русское зарубежье, полемика.*

The author analyses a doubtful situation in Russian Diaspora critics in 1929 when the "Selected verses" by I. Bunin were published and N. Teffy devoted to it a panegyric review. The review was full not only with the compliments to Bunin, but the sharp attacks at the address of B. Pasternak. The origin and point of these attacks are not very clear.

Key words: *Pasternak's creative work, Russian diaspora, polemics.*

В своих мемуарах И.В. Одоевцева упоминает об обеде в «одном нелитературном, но крайне гостеприимном доме» в Биаррице, хозяева которого во время Второй мировой войны подкармливали полуголодных литераторов, а заодно использовали их общество как дивертисмент для развлечения гостей. Особенностью русской хозяйки дома было неоправданное словотворчество, над которым в свою очередь потешались приглашенные на обед литераторы, а порой заимствовали изобретенных ею уродцев для своих произведений. Так, во время обеда хозяйка, жалуясь на экономические трудности военного времени, назвала кухню «утопией». Слово «утопия» вызвало шуточную перебранку между Г. Ивановым и Н. Тэффи: изобретали мифическую этимологию слова. «Спор» закончился следующим пассажем Г. Иванова:

«— "Утопия" <...> происходит и от слова "топь". А оно-то издревле приобрело права гражданства и в прозе и в стихах. И провело туда за собой и "утопию". Вспомните хотя бы знаменитую строфу Пастернака, в коей они оба фигурируют.

Тэффи, предвидя мистификацию, сосредоточенно сдвигает брови:

— Не помню. Что-то мелькает в памяти. Но нет. Не то. Процитируйте-ка ее!

Георгий Иванов, отбивая отчетливо ритм, “цитирует” тут же им сочиненную строфу:

По крыше дождя дробь,
В саду болота топь.
Ну, прямо копия
Картины Клевера —
Бездарная утопия
Осеннего севера...

Тэффи, прослушав ее внимательно, трижды кивает:

— Признаю себя побежденной по всей линии. Вы совершенно правы. Спасибо, что вспомнили Пастернака, — не без легкой обиды говорит она.

Я смотрю на нее. Лукавый огонек исчез из ее глаз. Она уже непритворно хмурится, снова принимаясь за гуся. Неужели ей неприятно, что Георгий Иванов приписал выдуманную им строфу Пастернаку? Да, этого ему, пожалуй, делать не следовало. Лучше бы он провозгласил Андрея Белого или Маяковского ее автором. С Пастернаком у Тэффи связаны неприятные воспоминания. За несколько лет до войны она, как тогда говорили, “оскандалилась, села в калошу”, напечатав в “Иллюстрированной России” “нечто несосвятимо-невообразимое” в ответ на статью Марины Цветаевой “Световой ливень”, воспевающую Пастернака в “Современных записках”. “Пастернак. Никогда я не слыхала о таком поэте. Зато с детства знаю:

Танцевала рыба с раком,
А петрушка с пастернаком”,

— опрометчиво заявила Тэффи в “Иллюстрированной России”, надолго возмутив и восстановив против себя молодых эмигрантских поэтов. Сколько огорчений и обид ей тогда доставил этот танец рыбы с раком! Неужели Георгий Иванов хочет снова напомнить ей о них. Но нет. Он, улыбаясь, обращается к хозяйке:

— Должно быть, и вы забыли эту строфу? Но вы, я уверен, любите Пастернака?

— Ну, конечно, — радостно и смущенно соглашается она. — Как же можно не любить его? — хотя о Пастернаке она вряд ли слышала что-нибудь, кроме танца с петрушкой. — Он так много говорит русскому сердцу, — неожиданно добавляет она.

Тэффи достает из сумочки помятый конверт и огрызок карандаша.

— Запишите мне, Георгий Владимирович, эту строфу. А то опять забуду. Ведь и моему сердцу Пастернак так много говорит. Он мой

любимый поэт, — правда, с недавних пор, — ехидно поясняет она. — А строфа эта просто прелестна»[1].

Одоевцева ошибается во многом. Но главное событие она обозначает совершенно правильно: в парижском журнале «Иллюстрированная Россия» действительно была опубликована заметка Тэффи с резкими ироническими выпадами в адрес Пастернака. Только произошло это не «за несколько лет до войны», а гораздо раньше — в 1929 г., когда в издательстве «Современных записок» вышла книга И.А. Бунина «Избранные стихи». Она вызвала несколько положительных рецензий, в том числе таких значимых критиков, как В.В. Набоков и В.Ф. Ходасевич, что само по себе для Бунина было, конечно, небезразлично. Правда, Ходасевич к стихам Бунина относился все же амбивалентно, о чем свидетельствует его личная переписка. В письме М.В. Вишняку он признавался: «Я писал и рвал, писал и рвал — статью о Бунине. Теперь с этим покончено. 1/2 часа назад статья отнесена в редакцию, я сижу в кафэ, чувствую, что гора свалилась с плеч <...> Сегодня ночью Истина придет ко мне в пижаме (она больше не ходит голой), разбудит и скажет: — Владислав Фелицианович, вы сделали все, чтобы против меня не погрешить — и чтоб не обидеть почтенного старика. Он в своей жизни написал несколько сот дрянных стихотворений и с десяток хороших. Иные не написали и этого. Спите спокойно»[2]. Рецензия Ходасевича Бунину не только не понравилась, но обидела его, по мнению Дж. Мальмстада, даже послужила причиной последующего охлаждения их отношений[3]. Отмечая, что Бунин несомненно выдвинулся на первое место среди русских прозаиков, о его поэзии Ходасевич высказался довольно сдержанно. Бунин, всегда ощущавший собственную недооцененность как поэта, ожидал иных отзывов[4]. В дневнике 18 июня 1943 г. он записал: «Перечитывал <...> свои “Избр<анные> стихи”. Не постигаю, как они могли быть не оценены!»[5]. Тут он находил не только понимание Тэффи, но и во многом сходную биографическую черту: Тэффи, признанный мастер короткого юмористического рассказа, писала и серьезные стихи, но всерьез как поэтесса никогда не воспринималась.

Понятно, что Тэффи «сам Бог велел» откликнуться на сборник стихов Бунина, который он прислал ей в подарок. «Шлю беспредельную мою благодарность за чудесную вашу книгу и за долго-

[1] *Одоевцева И.В.* На берегах Сены. М., 1989. С. 77—78.

[2] Письмо В.Ф. Ходасевича М.В. Вишняку от 12 августа 1929 // Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: В 4 т. М., 1997. Т. 4. С. 512.

[3] И.А. Бунин: Новые материалы. М., 2004. Вып. 1. С. 166.

[4] Собственно такие оценки предложила рецензия Ф.А. Степуна (Современные записки. 1929. № 39. С. 528—532), в которой Бунин-прозаик противопоставлялся Бунину-поэту в пользу последнего.

[5] Устами Буниных: Дневники. Франкфурт-на-Майне, 1982. Т. 3. С. 151.

жданный портрет <...> “Иллюстрированная Россия” предложила мне большую честь — написать о Вашей книге стихов. Боюсь — не по силам мне. Выйдет скудоумно и превыспренно. И не хорошо, чтобы такая труха налипала вокруг Вашей чудесной книги»[6]. Однако заказанную рецензию Тэффи все-таки написала и даже назвала ее той же фразой, которая рефреном повторяется в приведенном письме — «По поводу чудесной книги». Рецензию Тэффи сконструировала из двух равновеликих, но разнородных по жанру частей: памфлета и панегирика. Прекрасной ясности бунинской поэзии она противопоставила чудовищную затемненность пастернаковской. Приведем памфлетную часть полностью:

«Несколько лет тому назад приехал в Париж Эренбург. Тогда о нем еще не говорили, что он состоит на службе в Че-Ка и занимается доносами. Поэтому, кое у кого из прежних друзей он был принят. Между прочим, и у А.Н. Толстого (тогда еще ярого антибольшевика), где я его и встретила. Говорили о литературе. Эренбург вынул какую-то тетрадь.

— Вот я вам прочту стихи. Это последнее сказанное миру слово. Выше этого поэзия еще не поднималась.

Он оглянул нас как миссионер присевшее вокруг него черное племя Ку-ку-зу-лу и стал читать.

В первое мгновение мне показалось, что он нечаянно, что называется, “зарапортовался”, и язык ему не повинуется. Слышалось что-то вроде “тряк, бряк, кырк”... Все ждала, что он поправится и наладится, но он так и доскакал до конца, уперся в какое-то “дрзу” и остановился. Остановился и окинул нас торжествующим взглядом.

Все смущенно молчали. По-видимому, каждый думал, что другие-то поняли, только он один не разобрал.

— Можно... еще раз, — робко попросила я.

— Ага! — ответил он взглядом и прочел еще раз.

— Это что такое? — спросила я.

— Это Пастернак.

— А что это такое... пастернак?

Вспомнилась детская песенка:

“Танцевала рыба с раком,
А петрушка с пастернаком”.

Помню, ведь были у новых поэтов такие “перевертни” — читай и вперед и назад, и все равно ничего не выходит. Так, может быть, и пастернак какая-нибудь такая новая выдумка...

— Это стихотворение Пастернака.

Вот оно что!

[6] Письмо Тэффи И.А. Бунину весны 1929 // Переписка Тэффи с И.А. и В.Н. Буниными: Диаспора. / Публ. Р. Дэвиса и Э. Хейбер. Париж; СПб., 2001. Вып. 1. С. 381.

— Знаете, может быть, это и очень хорошо, но я не поняла ни одного слова. Что значит “бряк дрк”?

Эренбург посмотрел на меня с отвращением.

— Эти стихи надо читать глазами, а не слушать.

Так вот оно что! Вот она “Гармония стиха, божественная сладость”. Заткни уши.

— А почему вы думаете, что это стихи? Может быть, это очень хорошее дело.

Может быть, даже полезное — но почему вы называете это дело стихами? Ведь никакого же этому нет основания. Вы возразите, что, мол, нельзя так просто подходить к этому великому кладезю, что нужно вдумываться, вчитываться, чтобы постичь этот талант и насладиться им. Но скажите, зачем я буду заниматься такой тяжелой работой. Как мусорщик разбирать крючком груду тряпья и битой посуды (“Бряк, гряк, др”), чтобы выудить с радостным воплем серебряную ложку... [7]

Теперь говорят:

— Пастернак уже кончился.

Как удивительно быстро кончается все надуманное, выдуманное, искусственное в искусстве. Взгляните: человек гуляет с собакой, оба идут по той же дороге. Но собака суетливо обегает вокруг каждой клумбы, мчится рысью, зигзагами по боковым тропинкам, ныряет в овраги и снова выбегает на широкий, свободный единый путь, по которому идет человек.

Занятны эти собачьи аллюры. И смотреть на нее любопытно, но слишком серьезен и важен и долог “единый” путь искусства, чтобы тот, кто призван пройти его, стал унижать себя ерундой.

Посмотрим, что даст миру Пастернак, когда он покончит со своим пастерначеством”»[8].

Не стоит распространяться о том, что миф о непонятности, смысловой затемненности поэзии Пастернака был чрезвычайно популярен как на Западе, так и в советской России. Так, в ленин-

[7] Сравнение Тэффи восходит к знаменитому пассажу Ходасевича: «Однажды мы с Андреем Белым часа три трудились над Пастернаком. Но мы были в благодушном настроении и лишь весело смеялись, когда после многих усилий вскрывали под бесчисленными капустными одежками пастернаковских метафор и метонимий — крошечную кочерыжку смысла» (Ходасевич. Парижский альбом // Дни. Париж. 1926. № 1027. С. 3). Ср. также мнение Д.П. Святополка-Мирского: «Очевидно стоит трудиться, чтобы понять. Не мы нужны поэтам, а они нам. Я допускаю, что многими Пастернак и Марина Цветаева не сразу воспринимаются, но ведь мне надо сделать усилие и для того, чтобы попасть из дома в Британский Музей. Однако Музей мне нужен, а не я ему, и поэтому я иду в него, а не жду, пока он ко мне прикотится». (*Святополк-Мирский Д.П.* О консерватизме: Диалог // Благонамеренный. 1926. № 2. С. 92)

[8] *Тэффи Н.А.* По поводу чудесной книги. И.А. Бунин: Избранные стихи // Иллюстрированная Россия. 1929. № 216 (27). 29 июня. Париж. С. 8.

градском журнале «Жизнь искусства» скрывшийся за псевдонимом Astico автор, продолжая фонвизинскую традицию, опубликовал иронический «Справочный словарь русских писателей», где устоявшееся мнение выражено афористично: «Пастернак — или “Никто меня не понимает”»... [9]. Страстным пропагандистом той же идеи в среде русской эмиграции был В.Ф. Ходасевич, который не раз резко высказывался в адрес Пастернака (об этой стороне дела написаны авторитетные литературоведческие работы [Мальмстад, Пастернак, с. 51—62; Богомолов, 1990, с. 62—64]). Ничего удивительного в том, что Тэффи повторяет уже устоявшиеся формулы[10]. Но рецензия Тэффи задает нам несколько загадок, которые мы попытаемся разрешить.

Прежде всего стоит установить, когда состоялся описанный Тэффи вечер у А.Н. Толстого? Очевидно, что событие относится ко времени между поздней осенью 1919, когда в Париже оказалась сама Тэффи, и октябрем 1921 г., когда А.Н. Толстой перебрался из Парижа в Берлин. Время встречи можно установить еще более точно, если вспомнить, что Эренбург после почти трехлетнего отсутствия в Париже вернулся туда из советской России в мае 1921 г., но ненадолго. После получения французских виз, Эренбург проделал из Риги сложный путь до Парижа: советские паспорта не внушали доверия многим европейским державам, — и 8 мая 1921 г., наконец, через Копенгаген и Лондон добрался до столицы Франции. Газета «Последние новости» сообщила о его прибытии только 20 мая. Однако Эренбург окунулся в эмигрантскую литературную среду значительно раньше. 10 мая 1921 г. В.Н. Бунина записала впечатления от проведенного совместно с Эренбургом вечера у Толстых. Эта запись явственно обозначает момент, когда начинает меняться отношение эмигрантов к Эренбургу и его статусу. «Важно то, — пишет В.Н. Бунина, — что Эренбург приемлет большевиков. Старается все время указывать то, что они делают хорошее, обходит молчанием вопиющее <...> Почему же, если так там хорошо, он уехал за границу? И откуда у него столько денег, ведь в Москву он явился без штанов в полном смысле слова? Неужели скопил за пять месяцев? И как его выпустили? Все это очень странно»[11]. Естественно предположить, что эта встреча произвела особенно тяжелое впечатление на И.А. Бунина, ко всему просоветскому относившемуся резко враждебно. Очевидно также, что описанный вечер был не тем, о котором упоминала Тэффи в своей рецензии, поскольку, как свидетельствует В.Н. Бунина, «кроме нас, был приглашен только Ландау» да «неожиданно пришел Бальмонт»[12]. 25-го мая Эренбург снова навестил А.Н. Толстого в его меблированной квартире на авеню Альфонса XIII в Пасси [Попов, Фрезинский, 1993, с. 371]. Об этом визите сам Эренбург вспоминал: «Бунин, с которым я встретился у Толстого, не захотел со мной разговаривать. А милейший Алексей Николаевич растерянно и ласково ворчал: “Ты, Илья, там набрался ерунды”. Как только я говорил, что выехал с советским паспортом, эмигранты отворачивались, одни возмущенно, другие с опаской»[13]. А уже 26 мая Эренбургу французские власти предъявили требование в 24 часа покинуть Францию, и он вместе с женой спешно выехал в Бельгию. Таким образом, следует предположить, что упомянутое Тэффи чтение стихов состоялось между 10 и 26 мая, а вероятнее всего, именно на вечере у Толстого 25 мая 1921 г. С середины июля 1920 г. в Париже был возобновлен Цех поэтов под председательством Бунина. А.Н. Толстой предоставил для собраний Цеха, членом которого была его жена Н.В. Крандиевская, свою квартиру. Так что чтение стихов в доме Толстого было событием вполне рядовым и привычным.

В мемуарах Эренбурга об этом вечере Тэффи не названа среди гостей, но он не упомянул никого, кроме Бунина, чье присутствие тем более знаменательно: вероятно, что противопоставление Бунина Пастернаку в рецензии Тэффи возникло не случайно. Общее впечатление, произведенное сильно «покрасневшим» Эренбургом и прочитанными им стихами советского поэта Пастернака, было неприятным.

Тэффи условно обозначает дату чтения, отталкиваясь от взглядов Эренбурга: «Тогда о нем еще не говорили, что он состоит на службе в Че-Ка и занимается доносами». Несмотря на очевидную «большевизацию» Эренбурга после его возвращения из советской России, в 1921 г. он еще не имел впоследствии утвердившейся за ним репутации «порученца НКВД»[14]. По воспоминаниям Р. Гуля, встретившегося с Эренбургом вскоре в Берлине, он был еще вполне «свободомыслен», позволял себе резкие шутки в адрес Ленина, восходящие еще ко времени издания раннего журнала Эренбурга «Тихое семейство». Все это косвенно подтверждает наше предположение о том, что чтение состоялось в мае 1921 г. Кроме того, нужно отметить энтузиазм Эренбурга, с которым он сразу после возвращения бросился знакомить эмигрантское сообщество с услышанным и прочитанным за годы пребывания в России, с новейшей русской — теперь уже советской — литературой. Вполне естествен-

[9] Жизнь искусства. Л., 1925. № 2. С. 17.

[10] Представляется небезынтересным тот факт, что современные исследователи усматривают общие черты в поэтике Тэффи и Пастернака [Столяров, 1999, с. 101—110].

[11] Устами Буниных... Т. 2 (1981). С. 37—38.

[12] Там же. С. 36.

[13] *Эренбург И.Г.* Люди, годы, жизнь. М., 1990. Т. 1. С. 371.

[14] *Гуль Р.Б.* Я унес Россию: Апология эмиграции. Нью-Йорк, 1984. Т. 1 (Россия в Германии). С. 75—76.

ным кажется, что на одной из первых же литературных встреч он, не откладывая в долгий ящик, решил прочитать новые привезенные из России стихи. К слову, его личное знакомство с Пастернаком произошло именно в тот трехлетний период, когда Эренбург временно возвращался на родину, — во второй половине июля 1917 г. Оба они вспоминали об этой встрече совершенно по-разному. Эренбург — с восторгом влюбленности: «Я познакомился с Пастернаком в то самое лето, когда “ветер лускал семечки и пылью набухал”. Он жил недалеко от Пречистенского бульвара в большом доме. Это было время “Сестры моей жизни”. Он читал мне стихи. Не знаю, что больше меня поразило: его стихи, лицо, голос или то, что он говорил. Я ушел полный звуков, с головной болью»[15]. Пастернак в автобиографии — с осторожностью: «В июле 1917 года меня по совету Брюсова разыскал Эренбург. Тогда я узнал этого умного писателя, человека противоположного мне склада, деятельного, незамкнутого»[16]. В личных разговорах — откровенно негативно: «Я хочу вам сказать, что прочел страницы Эренбурга обо мне и Маяковском. Все это неверно. Не так. Я вовсе не читал стихи Эренбургу в первую встречу. Наоборот, он читал мне свои. Вначале Эренбург не понимал и не принимал меня и А. Белого. Это Брюсов убедил Эренбурга, заставил его читать и понимать мои стихи. Вообще мало мне нравится, как пишет Эренбург. Все это как-то бескостно, все у него взято с кондачка. Даже стиль. Он, конечно, пишет обо мне с самыми лучшими намерениями, я это знаю, но все же это все неверно»[17]. Как бы ни относился к нему Пастернак, но Эренбург был искренним поклонником его поэзии, впоследствии написал восторженную рецензию на его первую книгу «Сестра моя жизнь»[18] и активно пропагандировал его в эмигрантских кругах. Самое яркое свидетельство об этом принадлежит Цветаевой, которая писала Пастернаку в начале их «эпистолярного романа»: «Стихи Ваши я знаю мало: раз слышала Вас с эстрады, Вы тогда сплошь забывали, книги Вашей не видела. То, что мне говорил Эренбург, — ударяло сразу, захлестывало: дребезгом, щебетом, всем сразу: как Жизнь»[19]. Отсюда и похвалы Пастернаку, несколько гипертрофированные в передаче Тэффи: «Это последнее сказанное миру слово. Выше этого поэзия еще не поднималась».

[15] *Эренбург И.Г.* Книга для взрослых // Знамя. 1936. № 5. С. 68.

[16] *Пастернак Б.Л.* Люди и положения // Пастернак Б.Л. Полн. собр. соч.: В 11 т. М., 2003—2005. Т. 3. С. 337.

[17] *Тарасенков А.К.* Пастернак: Черновые записи 1934—1939 гг. // Пастернак Б.Л. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 11. С. 177.

[18] Новая русская книга. Берлин. 1922. № 6.

[19] Письмо Цветаевой Пастернаку 29 июня 1922 // М. Цветаева, Б. Пастернак. Души начинают видеть: Письма 1922—1936 годов. М., 2004. С. 16.

Итак, что касается фактической стороны рецензии, она выглядит вполне достоверно: в середине мая (предположительно — 25-го числа) 1921 г. Эренбург, только что вернувшийся из СССР, на вечере у Толстого читает запавшие ему в душу стихи Пастернака, которые искренне считает последним словом русской поэзии, надеясь очаровать ими аудиторию.

Оценочная сторона рецензии Тэффи вызывает, однако, ряд вопросов. Получается, что не только в 1921 г., когда происходили упомянутые события, но и в 1929-м она не читала ни одного поэтического произведения Пастернака, во всяком случае, явно не отличала его от крайних футуристов. Это по меньшей мере странно — все же за протекшие 8 лет уже были опубликованы, в том числе издательством Гржебина и «Геликоном», две главные на тот момент книги стихов Пастернака «Сестра моя жизнь» (1922, 1923) и «Темы и варьяции» (1923), в эмигрантских журналах печатались отрывки из его поэм «Лейтенант Шмидт» и «905-й год»[20], активно обсуждалась его проза, с 1926 г. видные критики враждебных направлений Д. Святополк-Мирский, Г. Адамович, В. Вейдле, В. Ходасевич то и дело вступали в спор по вопросу о Пастернаке и подчас высказывались весьма пространно. Так, в 1928 г. в «Современных записках» была опубликована программная статья В. Вейдле, посвященная творчеству Пастернака в целом[21]. Как эта ожесточенная полемика могла пройти мимо Тэффи, обретающейся в самом центре литературной жизни русского Парижа? Одоевцева указывает на статью М. Цветаевой «Световой ливень»[22] как на исходную точку раздражения Тэффи: якобы памфлет Тэффи был написан «в ответ» на цветаевские восторги. Однако это маловероятно. Статья Цветаевой вышла в 1922 г., с того времени минуло уже семь лет, да и вряд ли Тэффи вообще была знакома с этим текстом. В «Световом ливне» Цветаева настолько обильно цитирует поэтические фрагменты «Сестры моей жизни», что, даже не читая самой книги стихов, можно составить более или менее точное представление о пастернаковской поэтике. Больше того, если принимать за чистую монету признания Тэффи, то она просто не слышала имени Пастернака до описанной ею встречи с Эренбургом. Столь же необъяснимо смешение внутри поэтического ряда, которое допускает Тэффи.

[20] Отрывок из поэмы «905-й год» под названием «Потемкин» (в окончательной редакции «Морской мятеж») был напечатан в журнале «Версты» (1926, № 1). Через год в журнале «Воля России» (1927, № 2) была сделана публикация с противоречивым заглавием: «Лейтенант Шмидт» (Из поэмы «1905-й год»). Она представляла собой разрозненные отрывки из «Лейтенанта Шмидта».

[21] *Вейдле В.В.* Стихи и проза Пастернака // Современные записки. 1928. № 36. С. 459—470.

[22] Статья Цветаевой была напечатана, конечно, не в «Современных записках», а в журнале «Эпопея» (Берлин. 1922. № 3).

Понятно, что “тряк, бряк, кырк” — это условное обозначение известного стихотворения А. Крученых «Дыр бул щыл...», ставшего эмблемой футуристической зауми, но к Пастернаку имевшего более чем косвенное отношение[23]. Конечно, спутать Крученых и Пастернака Эренбург не мог — могла ли спутать Тэффи? Может быть, Эренбург читал своим слушателям Крученых? Едва ли. Возможно, неразличимость для автора двух футуристов — Крученых и Пастернака намеренная — все футуристы на одно лицо и одинаково безличны для искусства? Известно, однако, что Тэффи не испытывала к футуристам никаких враждебных чувств. Она вполне благосклонно отзывалась о стихах И. Северянина, устраивала его поэтический вечер, помогала ему войти в большую литературу. Объясняя равнодушие критики к его книге «Громокипящий кубок», Тэффи сочувственно писала в 1933 г.: «Он не сеял разумного, доброго, вечного, за что потом сказал нам “спасибо сердечное русский народ”. И он не был поклонником Оскара Уайльда. И даже не был сотрудником “Сатирикона”, что тоже являлось некоторым правом на существование. Он был как-то сам по себе»[24]. Еще раньше, в 1916 г. Тэффи стала автором статьи о только что вышедшей экспериментальной по форме поэме футуриста В. Каменского «Стенька Разин» — статьи весьма хвалебной: «Книга эта не говорит, а кричит, голосит, вопиет, воет, орет истошным голосом. Все в ней крик! Крик со словами, а где слов не хватает — один голый крик <...> А в лучших местах книги — тихо. Не крик, а тихо-звенящая песня-говорок <...> Здесь “колеса молодости” не катятся под гору с треском, громом, гиком и уханьем. Они тихим взлетом подымаются вверх, и конь, влекущий их, называется Пегасом»[25]. Думается, что и личного неприятия поэзии Пастернака у Тэффи тоже не было. Особенно учитывая, что она практически этой поэзии не знала. Чем же вызван такой резкий выпад против Пастернака, фактически отказывающий ему в праве называться поэтом?

Думается, что ответ тут лежит в области скорее литературного быта, чем самой литературы, а точнее — в биографической и идеологической близости Тэффи с Буниным. Общее неприятие Буниным модернизма во всех его проявлениях хорошо известно. Оно имело давние, еще в России взращенные всходы. В 1914 г. в своем

[23] Невозможно совсем исключить, что Тэффи, особенно при устной декламации, могли показаться заумью стихи самого Пастернака и «тряк — бряк — кырк» относится не к лексике, а к фонетике, к звукописи пастернаковских стихотворений. Хотя, скажем прямо, такое предположение нам кажется фантастичным, тем более, что речь наверняка идет о стихотворениях не «Близнеца в тучах», а «Сестры моей жизни», которой в это время был страстно увлечен Эренбург.

[24] *Тэффи Н.А.* Моя летопись. М., 2004. С. 314.

[25] *Тэффи Н.А.* «Стенька Разин»: критическая статья // Журнал журналов. 1916. № 15 (апрель). С. 4.

интервью «Одесским новостям» Бунин высказался о футуризме так: «Эти уж совсем жалости достойны... “Эго-футуристы”, как знаете, уж вовсе не существуют. Кто там? Игорь Северянин. Но он сам уж заявляет, что он — не футурист... Ну а “кубо-футуристы” Маяковские, Бурлюки... Что о них скажешь?.. Безобразники они, и больше, право, ничего... Меня изумило даже, что о них пишут длинные критические рассуждения, как это о них говорят в серьезном тоне. До такой степени все это плоско, до такой это степени глупо... А вот смотрите же: собирают публику... Вы говорите: интерес скандала. Но, как хотите, это дурной показатель для русского общества. Значит, оно не живет разумно, значит оно так себе просто глазеет. Ведь у кого есть серьезные интересы, того не привлекут скандалы... И особенно такого дурного тона»[26]. Однако в революционные годы это легкое презрение в тоне Бунина сменяется настоящей ненавистью: неприятие модернизма связалось с еще более резким отрицанием самих модернистов вне зависимости от представляемого ими течения (Белого, Блока, Маяковского), в которых Бунин видел явную или скрытую приверженность к большевизму[27]. В качестве примера приведем фрагмент о Маяковском из «Окаянных дней»: «Одноглазый Полифем, к которому попал Одиссей в своих странствиях, намеревался сожрать Одиссея. Ленин и Маяковский (которого еще в гимназии пророчески прозвали Идиотом Полифемовичем) были оба тоже довольно прожорливы и весьма сильны своим одноглазием. И тот и другой некоторое время казались всем только площадными шутами. Но недаром Маяковский назвался футуристом, то есть человеком будущего: полифемское будущее России принадлежало несомненно им, Маяковским, Лениным. Маяковский утробой почуял, во что вообще превратится вскоре русский пир тех дней и как великолепно заткнет рот всем прочим трибунам Ленин с балкона Кшесинской...»[28]. Думается, что Пастернак, не только сознательно выбравший в 1923 г. возвращение в советскую Россию, но и успешно, как считал Бунин, в ней прижившийся, очевидно, тоже ассоциировался в его сознании с Маяковским[29] и со всем футуристическим сообществом — хамским, большевистским и уже потому бездарным. Так,

[26] Ш. У Ив. Ал. Бунина // Одесские новости. 1914. 10 апреля. № 9320. С. 3.

[27] В этом убеждении Бунин был не одинок. Так, Ходасевич в очерке о Брюсове делает сходное сближение: «Я думаю, что тщательное формальное исследование коммунистических стихов Брюсова показало бы в них напряженную внутреннюю работу, клонящуюся к попытке сломать старую гармонию, “обрести звуки новые”. К этой цели Брюсов шел через сознательную какофонию» (*Ходасевич В.Ф.* Некрополь // Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: В 4 т. М., 1997. Т. 4. С. 40).

[28] *Бунин И.А.* Окаянные дни (ночь на 24 апреля 1919 года) // Бунин И.А. Собр. соч. Берлин, 1935. Т. 10. С. 115.

[29] Прежде всего благодаря сотрудничеству Пастернака в ЛЕФе.

в более поздних «Воспоминаниях» И.А. Бунин прямо связал Пастернака с ненавистным Маяковским: «Маяковский останется в истории литературы большевистских лет как самый низкий, самый циничный и вредный слуга советского людоедства по части литературного восхваления его и тем самым воздействия на советскую чернь <...> Маяковскому пошло на пользу даже его самоубийство: оно дало повод другому советскому поэту, Пастернаку, обратиться к его загробной тени с намеком на что-то даже очень возвышенное:

Твой выстрел был подобен Этне
В предгорье трусов и трусих!

Казалось бы, выстрел можно уподоблять не горе, а какому-нибудь ее действию, — обвалу, извержению... Но поелику Пастернак считается в советской России да многими и в эмиграции тоже гениальным поэтом, то и выражается он как раз так, как и подобает теперешним гениальным поэтам...»[30]. В августе 1941 г. Бунин записал в дневнике: «Был André Gide. Очень приятное впечатление. Тонок, умен — и вдруг: <...> в восторге от Пастернака...»[31]. Видимо, отношение Бунина к Пастернаку было настолько широко известно в эмигрантской среде, что через 16 лет после его смерти, в 1969 г., Адамович в письме Т.Н. Николеску сообщал о Бунине: «Над Пастернаком издевался, считал его идиотом»[32].

Тэффи, не сформировавшая по отношению к Пастернаку своего собственного мнения, возможно, отчасти из-за бунинского напора, в своей рецензии решила сделать мэтру приятное: не просто похвалить его стихи, а противопоставить их пастернаковским: поэзия Бунина «не кликушество, не тайнопись. Здесь поэт не является только орудием некоей высшей воли. Он творит сам, сознательно, что хочет и как хочет»[33].

Есть веские причины предполагать, что Тэффи все же несколько мистифицирует читателя эффектным неразличением поэтики А. Крученых и Б. Пастернака. Вероятнее всего, с творчеством Пастернака она все же была знакома хотя бы по тем антологиям советской поэзии, которые выпускал за границей Эренбург, например, «Поэзия революционной Москвы» (Берлин, 1922) или «Портреты русских поэтов» (Берлин, 1922). Пастернаковские подборки из «Сестры моей жизни» в них, отвечая вкусам Эренбурга, практически совпадают — за редким исключением. Однако есть веские причины предполагать, что перед Тэффи в момент написания ею рецензии

[30] *Бунин И.А.* Воспоминания: Маяковский // Бунин И.А. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 9. С. 161—162.

[31] Устами Буниных... Т. 3. С. 109.

[32] Письмо Г.В. Адамовича Т.Н. Николеску 24 августа 1969 // И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. 1. С. 363.

[33] *Тэффи Н.А.* По поводу чудесной книги... С. 8.

на «Избранные стихи» Бунина лежали именно «Портреты русских поэтов». Там среди прочих рассуждений Эренбурга о Пастернаке содержалось следующее: «Говорить о Пастернаке трудно. Его речь — сочетание косноязычия, отчаянных потуг вытянуть из нутра необходимое слово и бурного водопада неожиданных сравнений, сложных ассоциаций, откровенностей на явно чужом языке. Он был бы непонятен, если б весь этот хаос не озарялся бы единством и ясностью голоса. Так его стихи, порой иероглифические, доходят до антологической простоты, до детской наивной песне о весне. Конечно, Бунин понятнее, и легче добывать огонь с помощью шведских спичек, нежели из камня. Но сердца зажигаются искрами кремня, спичками же лишь папиросы»[34]. Думается, что это сопоставление с Буниным произвело решающее впечатление на Тэффи, учитывая, что первым включенным в антологическую подборку шло стихотворение Пастернака «Не как люди, не еженедельно», в котором звучит определяющее для Тэффи слово «членораздельно», разными гранями развернутое и к Пастернаку, и к Бунину. А вторым пастернаковским текстом, включенным Эренбургом в антологию, был — «Памяти демона», насыщенный звуковыми сочетаниями, напоминающими издевательское «тряк, бряк, кырк» Тэффи: «Парой крыл намечал...», «...За оградой грузинского храма», «Как горбунья дурна, // Под решеткою тень не кривлялась» и т.д[35].

Судя по реакции Бунина на ее рецензию, Тэффи в полной мере достигла желаемого результата. Через много лет, вспоминая этот эпизод, Бунин написал Тэффи: «Милая сестрица, разбираю свой архивик для отправки в Нью-Йорк, в архив при Колумбийском университете, нашел древний номер “Ил<люстрированной> России” с Вашей статьей о моих стихах (“По поводу чудесной книги”, — “Избран<ные> стихи Бунина”) и целую Ваши ручки и ножки за хвалу мне и за пощечины сукину сыну Пастернаку»[36].

Косвенным подтверждением нашей мысли может служить вторая рецензия на «Избранные стихи» Бунина, вышедшая также из близкого ему круга — из-под пера Ф.А. Степуна. Степун так же, как и Тэффи, противопоставил абсолютную внятность бунинского стиха футуристической зауми: «“Поэзия темна, в словах невыразима”. Это сказано Буниным, но это сказано не о бунинской поэзии. Бунин типичный представитель русского апполинизма. Его стихи до конца внятны уху, уму и сердцу. <...> В стихах Бунина нет “заумы”

[34] *Эренбург И.Г.* Портреты русских поэтов. Книгоиздательство «Аргонавты». Берлин, 1922. С. 128—129. (переиздано: Портреты современных поэтов). М.: Первина, 1923).

[35] Благодарю за эту подсказку Н.А. Богомолова.

[36] Письмо И.А. Бунина Тэффи 10 сентября 1952 // Переписка Тэффи... Вып. 3. С. 623.

(так! — *А.С.-К.*), “невнятицы”, нету хаоса, ворожбы и крутеня мистически-эстетической хлыстовщины <...>, т.е. всего того, что так характерно для Блока и Белого, чем оба они перекликаются не только с Есениным и Пастернаком, но в известном смысле и с Гёте второй части Фауста»[37].

Осталось сказать, что памфлет Тэффи не прошел незамеченным, за Пастернака вступился вовсе не молодой эмигрантский поэт, как утверждает Одоевцева, а маститый редактор журнала «Воля России» — В.И. Лебедев. Это был ответ враждебной, евразийской группировки, которая стояла на иных не только политических, но и эстетических позициях. Впрочем, одно с другим, как мы уже видели, было тесно связано. Лебедев дал суровую отповедь Тэффи, действуя в установленном ею самой пространстве — Бунин vs Пастернак. Стихи Бунина автор охарактеризовал как «славное прошлое русской литературы», сегодняшний день которой представлен совсем другими именами. «Ведь только критика, для которой стихи Маяковского и Тихонова не прошлое, а еще неприятное “завтра”, а, упаси боже, Пастернак — это такое отдаленное будущее, которое, может, и не придет совсем, только такая критика, величественно не считаясь со временем — о, самоуверенные Иисусы Навины! — могла в 1929 году расхвалить стихи Бунина как непревзойденный и ни с чем не сравнимый шедевр! (Госпожа Тэффи, например, скажем в скобках, до сих пор еще не различает Крученых от Пастернака, — что же может значить хвала невежды?)»[38].

О сожалении Тэффи по поводу своего неудачного выступления у нас нет дополнительной информации, кроме предложенного Одоевцевой рассказа, которому тоже нет веских оснований не доверять. Скорее всего обвинение в невежестве достигло ее слуха и, может быть, заставило обратить свой взор в сторону пастернаковской поэзии. Но об этом мы можем пока только гадать. Достоверно известно, однако, что в ответ на бунинскую благодарность Тэффи с сожалением написала: «Рецензия моя осталась у меня в памяти как нечто восторженно-дурацкое»[39].

Список литературы

Богомолов Н.А. Выбор путей // Литературное обозрение. 1990. № 2.

Мальмстад Дж.Е. Единство противоположностей: история взаимоотношений Ходасевича и Пастернака.

37 *Степун Ф.А.* Ив. Бунин. Избранные стихи // Современные записки. 1929. № 39. С. 532.

38 *Лебедев В.* О красных лапках, дедушкином портрете и голом короле // Воля России. 1930. № 7—8. С. 661.

39 Письмо Н.А. Тэффи И.А. Бунину 24 сентября 1952 // Переписка Тэффи.... Вып. 3. С.623.

Пастернак Ел.В. Постскриптум // Литературное обозрение. 1990. № 2.

Попов В., Фрезинский Б. Илья Эренбург: хроника жизни и творчества. СПб., 1993.

Столяров О.О. Экзистенциальная поэтика Тэффи и Пастернака // Творчество Тэффи и русский литературный процесс первой половины XX века. М., 1999.

Поступила в редакцию
08.10.2012